

КОД ДУШИ НАРОДА

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ ПОЭЗИИ АНАТОЛИЯ АВРУТИНА «АВГУСТ В ДЕКАБРЕ»

Поэзия сегодня оттеснена на самые задворки культурной жизни, причем не только в прагматичных Европе и Америке, но и в литературоцентричной еще недавно России (вспомним «книжный бум» 1980-х и километровые очереди за билетами на поэтические вечера в Лужниках и Политехническом!), а также в странах – республиках вчерашнего СССР. Ее место беззастенчиво заняли всевозможные поппа и порнуха, нагло воцарившиеся на телеэкранах, сценах театров и журнально-книжных страницах – в святая святых духовной жизни человека.

Как ни горько осознавать, но у подавляющего большинства жителей нынешних суверенных государств появились абсолютно другие – весьма далекие от духовности и культуры – жизненные ценности и приоритеты. «Ни Достоевский, ни Пушкин, ни Гоголь еще ни разу не помогли кому-нибудь стать богатыми, поэтому моим детям читать их книги незачем!» – безапелляционно заявляют многие из сегодняшних «новых русских», считая вершиной своего жизненного успеха краснокирпичный особняк да сверкающий под его окнами шестисотый «мерседес» и совершенно не замечая того, как скоростно скукоживается и становится чужим (а то и откровенно враждебным) окружающее их жизненное пространство, в пределах которого как раз и предстоит созидать свои судьбы их детям.

Что же ожидает их и все остальное человечество в будущем? Куда летит наш мир? Какие изменения происходят в современном обществе, какие тенденции дают о себе знать сегодня и чем они обернутся для всех в завтрашнем дне?..

Быстрее любых аналитиков на эти и многие другие актуальные вопросы современности реагируют поэты. Это не удивительно, поскольку поэзия всегда очень чутко относилась к малейшим изменениям обще-

ственной жизни, а иногда и предвидела их заранее, предупреждая читателей об их приближении. И уж тем более она не может не откликаться на то, что происходит в настоящее время, прямо на ее глазах ломая многолетние традиции и разрушая привычные жизненные устои.

Слово во много раз сильнее всех других категорий воплощает в себе характеристики нашего стремительно изменяющегося времени. И новая книга стихов белорусского (я бы сделал акцент именно на второй половине этого слова) поэта Анатолия Аврутина «Август в декабре» как раз и представляет собой ярчайшее свидетельство того, как наша расплозающаяся по всем швам действительность отражается в поэтическом слове. «Всё ничейно... Поля? Вот те на... / А по-русски выходит «поляна». / И высокое слово «страна» / на две трети читается «рана», – пишет он в одном из открывающих книгу стихотворений, показывая с помощью своеобразной филологической игры, насколько глубоко укоренены в сердцевине, казалось бы, давно знакомых и привычных нам слов основополагающие жизненные смыслы. – *Сколько взгляд ни мечи из-под век – / лишь устанут набрякшие веки, / а тут всё не поймёшь – «человек»: / о челе или, может, о веке? // Так вот, му-чась, уйдём навсегда / в мир, где больше ни боли, ни бредя, / помня – русское слово «беда» – / всё ж две трети от слова «победа».* Словесный материал для настоящего поэта – это не просто строительная глина, из которой лепятся строки и образы создаваемого стихотворения, но поистине код к сущности происходящих со страной и всеми нами явлений. История народа со всеми ее великими свершениями и трагическими перегибами ни в чем не отражается так отчетливо и рельефно, как в литературе и культуре, оставаясь вплавленной, точно доисторические жуки в янтаре, в строфах

лучших стихов и куплетов песен. Благодаря этому для воссоздания атмосферы былых времен не обязательно приводить объемные описания того, что происходило с нашими народами в далеком или недавнем прошлом, достаточно привести всего лишь одну строку из песни – и вместе с ней перед глазами читателя встанет и сама отшумевшая эпоха: *«Гудок. Погода ржавая. / Темно совсем. / «Не спи, вставай, кудрявая...» / Динамик. Семь. // Глазунья. Сени тёмные. / Сальца не трожь. / «Вставай, страна огромная...» / И ты встаёшь. // В любую непогодину – / вперёд, за дверь. / «Была бы только Родина...» / А что теперь? // Былая жизнь с невзгодами / в смурной дали. / «Ходили мы походами...» – / к чему пришли? // И помыслы греховные, / и в душах тлен. / «Среди долины ровныя...» – / не встать с колен».*

Всякий раз, когда по телевизору показывают встречи с чиновниками высокого ранга, проходящие в их кабинетах, я с трепетом и надеждой всматриваюсь в книжные шкафы за их спинами – не мелькнет ли там знакомый корешок с именем Пушкина, Блока, Маяковского или Есенина? Не увижу ли я на столе толстый литературный журнал или тоненький сборник стихов современного автора?.. Но сегодняшние чиновники читают, похоже, только тома служебных циркуляров и постановлений, а откровения поэтов былых эпох и их сегодняшних современников остаются, как правило, вне поля их видимости. А ведь именно стихи и заключенная в них метафорическая образность (а вовсе не сухие формулировки проектов резолюций и других рабочих документов!) передают душу народа, ради которого-то, по идее, и трудятся на своих постах руководители всех рангов. Поэзия была и остается главной хранительницей и охранительницей духовно-философских, идейно-эстетических и нравственно-психологических ценностей нации. Откуда, как не из стихов, можно узнать о том, что делает нас людьми, ради чего мы живем на свете и что унесем с собой в тайниках своей памяти в те вечные дали, откуда уже не будет возврата? *«Свет вечерний, тихий*

свет вечерний, / звёздный пруд, как золото на черни. // На воде, к волне склонившись ко-со, / чёрный лебедь – чёрный знак вопроса. // А волна ласкает взгляд, ласкает, / никуда тебя не отпускает. // <...> // Жизнь идёт... Вторая половина. / Я уже привязан пуповиной / к уголку, что истины безмерней, / где струится тихий свет вечерний».

Поэтической манере Анатолия Аврутина присуще удивительно редкое сочетание вроде бы и не очень-то сочетаемых качеств, как болевая, предельно откровенная исповедальность интонации, повышенное внимание к внутреннему звучанию слова, просто-таки органическая неспособность говорить ни о чем, переливая из пустого в порожнее, а также свойственный в основном молодым поэтам интерес к формотворческим поискам. Любители поэтического эксперимента найдут у него стихи, которым мог бы позавидовать даже великий будетлянин и Председатель Земного Шара Велимир Хлебников, например, такие: *«Прозрачный призрак принёс прозреньё, / под простынёю письмо пронёс. / Падёт позорное подозреньё – / письмо положено под поднос. // Придёт прислуга, поднос подхватит, / письмо помятое подберёт. / Пока парчою пылает платье, / поручик пылкий портвейны пьёт. // Потом прошепчет: «Прости...» Подхвачен / порыв прощальный: «Придешь? Приди!» / Пускай простушка пока поплачет, / пустоголовость, пардон, претит. // Прощанья – после, погони – после, / под пулей – после – прервётся путь. / Привет последний придёт по почте... / Портье! Портвейну пора плеснуть...»* Виртуозности и изяществу, с каким написано это озорное стихотворение, могли бы позавидовать одновременно и представители куртуазного маньеризма, и последователи авангардизма, но в творчестве Анатолия Аврутина подобные шалости занимают все же далеко не основное место. Отдавая дань формотворческой стороне дела, великолепно владея всем арсеналом классических и современных поэтических средств, главное внимание он все-таки уделяет не внешнему оформлению своих

Анатолий
Аврутин

стихотворений, а их внутреннему наполнению, причем довольно часто ставя на первое место не лежащие на поверхности мысли, а глубинные, проступающие, словно очертания сада сквозь утренний туман, ощущения и чувства.

Аврутин – не из тех поэтов, которые не помнят своего поэтического родства, отнекиваясь от всякой, даже видимой невооруженным взглядом, связи со своими литературными предтечами; он не только не чурается тех, кому обязан своим творческим становлением, но еще и сам подсказывает читателю их имена. В его стихах неоднократно возникают тени Блока, Тютчева, Мандельштама, Пастернака, Гумилева и других классиков отечественной поэзии вплоть до недавно покинувшего нас Юрия Кузнецова (*«Только грохни ведром – отзовется тоска мировая, / только стукни калиткой – земля затрясётся околь...»*).

Образный ряд поэтики Анатолия Аврутина заслуживает особого разговора, его метафоры, эпитеты и остальной арсенал поэтических средств отличается ярко выраженной индивидуальностью, которую может обеспечить только врожденная острота поэтического зрения да удивительно тонкое чувство слова. *«А голос взметался и плакал, / цеплялась за берег река, / и ржавого цвета собака / клыками рвала облака»; «Тускло сморщилось туберкулёзное небо, / посеребри ограда. И вздох посерел»; «Ветрено. Сосны в ознобе, / шагают низко стрижи. / Руки в царапинах. Обе – / цвета неубранной ржи»; «Опять этот взгляд завидующий, / похожий на чёрный стилет»; «Расхристан вечер, сумрак виноват, / что мысленно всё прожито стократ, / и на закат так остро повернуло»; «Уезжаем. Селезень картавый / всколыхнёт остылую волну»; «И ты, опять запутывая роли, / с душою, как расстроенный бемоль, / любви не сможешь отличить от боли, – / и там – болит, и это – только боль»; «День отнудил. Звезды не видно. / Светильники едва чадают. / И морось горкая ехидно / шершавит улочку и взгляд», – думаю, что именно вот это «горкая», а не «горькая», как, скорее всего, написали бы 99 авторов из 100, и отличает стихи Аврутина от продукции огромной*

армии его формальных собратьев по перу, давая право носить высокое звание поэта. Последнее время мы как-то стали не то стесняться, не то бояться честно говорить о том, кто находится перед нами – мастер или подмастерье, профессионал или дилетант, поэт или графоман, как бы априори ставя каждого пишущего в столбик в один ряд с Пушкиным, Есениным или Рубцовым. А это ведь далеко не так, и едва ли не большинство из тех, кто причисляет себя к наследникам вещего Бояна, заслуживают в лучшем случае быть отнесенными к категории рифмоплетов-любителей. А довольно-таки обширная группа сочинителей стихов не заслуживает и этого звания, ибо сколько ни перечитывай их книги и журнальные подборки, в душе и в памяти не остается ни одного запоминающегося образа, ни одного яркого эпитета; ни одно незаемное слово не царапнет по сердцу своей самородной неповторимостью, не говоря уже о всколыхнувших бы чувства мыслях, несущих в себе дыхание откровения или истины. В творчестве же Анатолия Аврутина все это присутствует в самой полной мере, хотя образность его стихов основывается совсем не на тех формально-эпатажных приемах, что использовали, скажем, Андрей Вознесенский, Виктор Соснора, Алексей Парщиков, Дмитрий Пригов, Александр Еременко, Владимир Друк и другие поэты авангардистской, метаметафористской или постмодернистской школ (хотя выше мы видели, что формальная сторона поэтического дела для него трудностей не представляет). Открываемые Аврутиным истины кажутся такими же простыми и наивными, как гладившая нас когда-то по голове теплая бабушкина ладонь или запах горячего хлеба в деревенской избе, но потому-то, наверное, сердце так безошибочно и узнает в них что-то родное и нефальшивое, на что оно просто не может не откликаться: *Вдруг поймёшь, что не близко, не рядом
То, что близким казалось всегда:
То окно с зарешёченным взглядом
И гусиная кожа пруда.
Было... Сплыло... Захлопнута дверца...
Средь безумного бега минут,
Будто в храме стоишь иноверцем,
А креститься – персты не идут.*

*Встрепенёшься... Раскроются очи.
С козогора сбежишь налегке.
И вдруг станешь ещё одиноче
От того, что гульба вдалеке...*

Объяснить, в чем отличие настоящей поэзии от поэзии с приставкой «псевдо», очень непросто, но не почувствовать эту щемящую настоящесть невозможно – даже если ты не специалист, не литературный критик и не филолог, она все равно даст о себе знать, сжав сердце горячей пятерней внезапно пробужденных ее строчками чувств и воспоминаний.

Для многих поэзия сегодня стала этакой забавой, вроде экскурсионной турпоездки или нахрапистого шоп-тура, единственный итог которого – нахапать побольше кричащих, но дешевых впечатлений. Но только не для Анатолия Аврутина, который даже самой своей фамилией, имеющей метафизическое свойство к палиндромическому (то есть читающемуся в обе стороны) прочтению категорически протестует против этого, заявляя: «*Ни тур вам – Аврутин!*». То есть – ни экскурсионно-туристический тур, ни спекулянтский шоп-тур, ни флиртовый тур вальса, ни даже ломящийся сквозь валежник дней и обстоятельств неукротимый и воинственный буй-тур...

Аврутин – он другой, он до краев наполнен болью за ту жизнь, которая его сегодня окружает, за ту, которая неотвратимее, чем кусок сахара-рафинада в стакане горячего чая, растворяется в забываемом прошлом, а также за ту, которая смутно виднеется в клочковатом тумане приближающегося к нам будущего.

...Не все из сегодняшней реальности сохранится в памяти наших потомков, многое безвозвратно канет в Лету, как уже канули туда целые эпохи и цивилизации. А вот многие из стихов, я думаю, сохранятся. И в этой уверенности мною руководит не слепая бравада, а реальный исторический опыт, донесший до нас сквозь бесписьменные пустыни тысячелетий такие памятники древней литературы, как Гомеровы «Илиада» и «Одиссея», древнерусские духовные стихи типа «Голубиной песни» или обрывки «Велесовой книги». Потому что эти произведения

были упрятаны в самое надежное из всех существующих на свете книгохранилищ – народную память. Она берегла и хранила их от забвения, а они охраняли народ от исторического и культурного беспамятства.

Потому что именно в поэзии заключается код народной ментальности, который отличает его от других народов. И, прочитав сегодня – или сто лет спустя – стихи Анатолия Аврутина, их ни за что не спутаешь со стихами другого поэта, написанными в координатах какого-то иного пространства и времени. Ведь в них, точно в молекулах ДНК, запечатлена неповторимая индивидуальность души поэта и всего его народа.

А значит, пока в мире сохраняются стихи и поэты, народ не растворится ни в каких общечеловеческих ценностях, и белорус будет всегда белорусом, русский – русским, украинец – украинцем...

Не потому ли один из главных ударов глобалистских сил, обрушенных на постперестроечное пространство бывшего СССР, пришелся именно по культуре и, в частности, по поэзии, оказавшейся сегодня выброшенной практически на обочину общественной жизни? В этих условиях роль каждого настоящего поэта (даже если он является чистейшим лириком) оказывается сродни подвигу былинных богатырей, почти в одиночку защищавших рубежи своего отечества то от Змия Тугариновича, то от орд свирепых степняков. Или же подвигу героев Брестской крепости, которые до последнего патрона не прекращали бой с тысячекратно превосходящими их силами противника.

Несмотря на свою внешнюю невоинственность, стихи Анатолия Аврутина – из этой же категории и, возможно, что когда-нибудь они тоже будут удостоены памятного мемориала. И пусть даже он будет не в граните, а всего лишь в народной памяти – это ничего не меняет, так как этот «материал», как показывает история, еще надежнее и крепче...

Николай ПЕРЕЯСЛОВ,
секретарь правления
Союза писателей России ■